



## Под небом у белой акации

У клумбы с гвоздиками сидели на корточках две девочки (они на снимке), рядом стояли лейки с водой. Женя Ольшевская — москвичка, перешла в девятый класс, а Света Александрова наша, из седьмой школы. Обе в каникулы работают в дендрарии. А чуть поодаль — тоже школьники. Эти приходят сюда на практику. Мы тоже пришли сюда, в Переславский дендросад — в гости к заслуженному лесоводу Сергею Фёдоровичу Харитонову, чьим талантом и трудолюбием создан и существует этот уголок природы.

— Ребята, — спрашиваю я, — знаете, что вы обрабатываете сейчас?

— Знаем, — раздаётся дружно, — облепиху.

— Я и то не всё помню, что в саду растёт, — улыбается Сергей Фёдорович.

Молодёжь дотошна, её не упрекнёшь в нелюбознательности, и вот уже кто-то просит Сергея Фёдоровича показать какое-нибудь диковинное растение, и он ведёт ребят, и показывает, и рассказывает:

— Вот розы, если будете есть её лепестки, будете ещё красивее и моложе. Если сядете под бархатом амурским — будете дышать чистейшим воздухом. А вот пробковое дерево, вот белая акация, южное растение. Двенадцать лет мы работали над тем, чтобы она зацвела в наших условиях. Хочется, чтобы она росла в каждом уголке Переславля, чтобы посадили её в школах, в детских садах, — как украшение жизни.

И идём мы дальше и дальше — по саду. Потом как-то само собой получается, что рассаживаемся полукругом возле Сергея Фёдоровича как раз напротив цветущего куста белой акации, и ребята спрашивают:

— А как вам пришла идея создания сада? И о себе расскажите. Пожалуйста.

— Родился я в XIX веке, — начинает Сергей Фёдорович, — здесь, в Переславле-Залеском. Недавно мне исполнилось 84 года, а я продолжаю трудиться. Отец мой был рабочим, и я закончил приходскую школу, потому что в гимназии учились дети дворян и торговцев. Потом работал на ткацкой фабрике, потом там, где впоследствии построили фабрику пять — электриком. После гражданской войны в стране был призыв: рабочие должны в одной руке держать винтовку, в другой — ручку. Я поступил на рабфак. Кроме экзаменов ещё спрашивали: «Покажи руки». Если у тебя трудовые руки — посылали учиться. И вы, ребята, дорожите своими руками, вы очень помогаете нам, у вас рабочие руки.

Окончил я рабфак Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии. И поступил в лесной институт в Москве, который потом соединили с Ленинградским. Это город, где каждый камешек — история. На Марсовом поле я сажал деревья. Приходят ко мне ребята иногда и спрашивают: «А где та яблоня, которую я посадил?» Так и я — интересуюсь, как мои деревья там поживают.

Время тогда было очень интересным. Я знал С. М. Кирова, он был избран в Ленсовет. В 1932 году он предложил организовать лесную выставку, на основании которой было заложен лесной музей. К нам в общежитие приходил Есенин, за общим столом мы пили чай с баранками, слушали стихи. Я слушал Маяковского, бывал на лекциях Луначарского, видел Горького. Так и шло: летом — экспедиции, зимой — город.

Мы живём в век металла, пластмассы, но дерево всё равно остаётся. Я люблю лес. Срубить его легко, а вот вырастить... Прочтите «Русский лес» Леонова — замечательная книга, памятник лесу. Вот здесь, например, 18 лет назад ничего не было, сеяли, пахали поле... Да я отвлекся. Был в Карелии, на Урале, работал геодезистом. Взял тему для

диссертации «Музыкальные древесины». Поющей древесиной считается вологодская ель, из неё получают самые замечательные музыкальные инструменты. Но на один квадратный километр леса найдётся три-четыре подходящих дерева, которые надо потом десять лет сушить. Представляете, сколько надо терпения!

Потом была война, осада Ленинграда, госпиталь, снова армия. Но в Москве тогда не хватало топлива и дали мне тысячу лошадей, лесорубов и направили рубить лес. Это была вынужденная мера. Мы работали круглые сутки, ночью — без света, потому что летали вражеские самолёты.

После войны были у меня вызовы из Ленинграда, но я остался здесь. Занимала мысль: «Что может родиться здесь, на этой крестьянской земле, приносить плоды?» Заложили небольшой яблоневый сад, вот там, у входа. Связались с 50 ботаническими садами Союза и стали получать семена. И оказалось, многое, очень многое, если приложить руки, будет расти и цвести на Переславской земле. Вот уже пять лет как прижились абрикосы, до плодов, правда, далеко ещё. Сейчас сад расширился, появились новые опытные участки научно-исследовательских институтов. Есть растения с Камчатки, из Канады, ГДР, Франции. Вот так и живу, в заботах, тревогах, надеждах. Я не увижу, как станет «взрослым» наш новый сад, пройдёт много лет. Но его увидите вы, и поэтому я не теряю бодрости духа: вы будете ухаживать за садом.

И ещё задавали вопросы ребята о том, какие награды у Сергея Фёдоровича. Их он передал в наш музей. Это медали «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд» и другие. А недавно ему вручён орден «Знак Почёта».

Сидели мы долго, слушали, спрашивали. Потом ребята разошлись, а мы ещё бродили по саду. Вновь читала я на табличках: бархат амурский, лимонник китайский, войлочная вишня — японская. Последний раз я была здесь в апреле, земля только-только отходила от снега и из неё торчали голые веточки, кустики и лишь неизменно зеленели, нет, не зеленели — как бы дымились голубые ели. А сейчас такое великолепие вокруг!

— Сад — это наш коллективный труд, — не раз замечал Сергей Фёдорович. Вот и сейчас с теплотой говорит о школьниках, которые постоянно помогают здесь, о своём ближайшем помощнике — Любове Ивановне Телегиной, о работниках садовой бригады.

А потом разговор переходит на «больные» места. Во-первых, нынче весной прорвало дамбу и вода ушла из прудов, и это затрудняет поливку. С апреля, когда это случилось, идёт разговор на лесокомбинате о доставке сюда нескольких вёдер цемента. Только разговор. Второе, об этом и писать-то больно. Мы много говорим о том, что природа нуждается в защите человека. Наши внуки, и всё идёт к тому, узнают о ландыше, милом лесном цветке, только из наших воспоминаний.

Исчезает, катастрофически быстро исчезает ландыш. И виноваты в этом мы, люди. А дендрарий, который объявлен памятником природы, становится местом, где можно распить бутылку, развести костёр, и Сергею Фёдоровичу вместе со сторожем пришлось иметь дело с такими гуляками. Но многое ли сделаешь вдвоём? Это хорошо, что у него привычка вечером прийти сюда, побродить, а вообще-то сторож один на всё хозяйство. Дошло до того, что из 200 кустов дивных роз осталось лишь 50. Воруя гвоздики, тащат по вечерам, как созреет, мешками рябину черноплодную, а вишню войлочную, редкую, японскую — рвут прямо недозрелой. И выходит, что природа-то нуждается в защите человека — от человека. Это ли не грустно?

— Разве мы запрещаем? — вопрошает Сергей Фёдорович. — Нет, не запрещаем. Приходите, гуляйте, ешьте, наконец, но не ведите себя как варвары, приходите как друзья.

Очень многие туристы, в том числе и зарубежные, проявляют желание осмотреть переславский дендрарий. Вот недавно посетили его гости из Чехословакии. В книге отзывов много записей, в том числе есть отзывы доктора биологических наук А. Скворцова, группы специалистов-ботаников ВНИИ лекарственных растений, заместителя министра медицинской промышленности, просто экскурсантов. Но самая лучшая запись, на мой взгляд, коротка и проста: «Сергей Фёдорович! Я бы хотел прожить свою жизнь так, как Вы».

...У финнов, рассказывал Сергей Фёдорович, есть обычай: рождается мальчик в семье — сажают под окном кедр, чехи, если рождается девочка — сажают липу. А разве мало у нас земли?